

РЕДАКЦИЯ «ОГОНЬКА»:

Петроград, Адмиралтейский кан., № 17, соб. д.

Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по определению редакции. Возвращение рукописей не обязательно.

Главная Контора: Петроград, Галерная, 40, соб. д. Отделение Конторы: при Невской Конторе, Биржевых Вздомостей*, Невский пр., 50 (уголок Садовой).

Москва: Тверская ул., д. 87.

Еженедельный художественно-литературный журнал

Огонек

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

с перес. из России.

На год . . . 3 р. — к.

На полгода . . . 1 р. 50 к.

На 3 месяца . . . р. 75 к.

На 1 месяц . . . р. 30 к.

Перемена адреса 15 коп.

ОБЪЯВЛЕНИЯ:

за место, занимаемое стро-

кою нонпарейла на 2-й

странице обложки — 3 руб.

на 3-й и 4-й странице об-

ложки — 2 р. 25 коп.

№ 35

1-312a

Воскресенье, 30 августа (12 сентября) 1915 г.

№ 35

Перепечатка литературного, художественного и фотографического материала „Огонька“ без полного указания источника воспрещается. (Закон 20 марта 1911 г.).

ПОДЪ ПЛАВИНОМЪ

Кавказская сказка *).

АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА.

Иллюстрировалъ для журнала «Огонекъ»
худ. С. П. ЛОДЫГИНЪ.

1.
Жили-были два брата. И была у них красавица сестра. Жила она у братьевъ. И такъ ее они любили, и такая ей была вѣра: найдешь ли кто изъ нихъ на дорогѣ чего и сейчасъ же къ ней — она потомъ раздѣлитъ.

Пришло время, поженились братья. А дѣлиться не захотѣли, одной семьей жили, и съ ними ихъ сестра.

Любили братья женъ своихъ, вѣрили имъ, а сестру любили пуще и вѣра ей была крѣпче: съ ней они выросли, думу первую думали — она никогда не отступитъ отъ нихъ, и они не покинутъ ея. И какъ было до женитьбы, такъ и осталось: найдешь ли кто изъ нихъ на дорогѣ чего и сейчасъ же къ ней — она потомъ раздѣлитъ.

*) Въ основу положена грузинская сказка, рассказанная бывшимъ псаломщикомъ Сяонскаго собора (Тифлисъ), духаникомъ, устою (ремесленникомъ) Леваномъ Пхавадзе, а рассказана сказка въ Крестовомъ монастырѣ (Джварисъ Сагдари), гдѣ жилъ и померъ Мцыри Лермонтова, а записалъ сказку гердемаринъ Иванъ Степановичъ Исакъвъ.

И стало женамъ братьевъ обидно, закипѣло сердце: отомстить онѣ обиду свою — изведутъ сестру.

А какая была она красавица, — ты всѣ горы пройди, не мало встрѣтишь, а такой не найдешь!

И рѣшили такъ: кинуть жеребій и кому

изъ нихъ выпадетъ, у того ребенка зарѣжутъ, а кровяной ножъ золовкѣ въ карманъ сунуть. И какъ рѣшили, такъ и сдѣлали: зарѣзали ребенка, а кровяной ножъ золовкѣ въ карманъ сунули.

Утромъ просыпаются еще чуть заря.

— Вайме! Вайме! Кто убилъ?

Повскакали братья.

— Кто убилъ? — И давай искать.

Перерыли братья домъ весь, ничего не нашли, а нашли у сестры — нашли у сестры кровяной ножъ.

Посмотрѣла сестра на братьевъ — вѣрная на любимыхъ.

— Что-жъ, — сказала, — такая судьба моя!

Раздѣли ее братья до нага, отрубили руки, привязали ей на спину мертваго ребенка, вывели за ворота, тамъ и пустили.

2.

А какая была она красавица, — ты всѣ горы пройди, не мало встрѣтишь, а такой не найдешь!

Идетъ она, — мертвый ребенокъ за плечами, какъ камень, и рукъ нѣтъ, — идетъ она — свою судьбу приняла, да съ сердцемъ не сладить — и плачетъ, и такъ она плачетъ, впереди изъ слезъ ручей течетъ.

Куда ей дорога и кто ее приметъ, вѣрную, съ невѣрной судьбой?

... „Смотритъ, а у нея руки—ея бѣлыя руки, какъ прежде“...

Идет она—и так она плачет, впереди из слез ручей течет.

Долго, целый день она шла и к вечеру пришла к царскому саду. Головой раздвинула ежевику и там, в кустах заснула. Чуть стало светать, проснулась,—мучила жажда. Тихонько пробралась она на арбузную грядку, облюбовала арбуз поспелее, легла, и прямо зубами. А насытилась, и опять в ежевику.

Утром явились в царский сад садовники, смотреть—царская грядка попорчена, оглядели и в толпе не возьмут.

— Что за чорт! Следь человеческий, а укусы звёря.

И приходят к царю с отчетом.

— Ну, что, ребята,—спрашивает царь,—как мой сад? Все ли в порядке?

— Ничего,—говорят,—все благополучно, только грядку с арбузами кто-то попортил, кто не знаем: укусы звёря, а следы человеческий.

— Подстеречь и схватить! — сказал царь.

так полюбил ее, и так ей повбрили: дёло без нея не сдѣлаеть, думу без нея не подумаеть, вот какъ!

Ждать ужь царевичъ себѣ наследника и все беспокоился, и такое случилось—война; простился царевичъ съ женою и поѣхалъ,— на войнѣ безъ него невозможно, тамъ ему первое мѣсто—грузинскій царевичъ!

А уѣзжая, наказалъ царевичъ народу:

— Что бы ни было, что бы ни родилось, берегите, вернусь—разсужу!

Съ тѣмъ и поѣхалъ.

3.

Шла война, гремѣла громкая. Вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ былъ первымъ царевичъ. Не жалѣлъ своей жизни ради родной земли и народа. А пока шла война, родился у царевича сынъ. И не виданно дѣло—волоса золотые: волосъ къ волосу вся голова золотая, и что другой въ годъ растеть онъ въ часъ.

На крестинахъ царскихъ собрался народъ, и написали письмо къ царевичу на войну о его диковинномъ сынѣ и дали письмо старику.

шелъ, шелъ и опять и съ этимъ письмомъ угодилъ къ ея братьямъ. А тамъ ему, какъ бѣлому свѣту, такъ рады, и такъ наугощались старики, на утро едва поднялся,—ужь и самъ не радъ.

Приходить старики домой. Собрался народъ.

— Ждать намъ царевича,—сказалъ старикъ,—самъ прѣдетъ, самъ разсудитъ!—и подаетъ письмо.

Смотрять письмо, а въ письмѣ написано: «Гоните въ зашей, не подходяча».

Что дѣлать? Не оставлять же! Привязали мальчика къ груди несчастной, вывели за городъ на дорогу, тамъ и пустили.

4.

А какая была она красавица,—ты всё горы пройди, не мало встрѣтишь, а такой не найдешь!

Идетъ она—родной ребенокъ на груди какъ камень, и жалко—идетъ она, и за что ее гонять?—и плачетъ, и такъ она плачетъ, впереди изъ слезъ ручей течетъ.

...„Леталъ, леталъ павлинъ и съелъ ей на голову“...

Еще съ вечера, помня царскій наказъ, залегли садовники въ арбузную грядку и наострились: подстеречь и схватить! Прошелъ вечеръ—нѣтъ никого, и ночь—нѣтъ никого, а чуть стало светать, вышла несчастная изъ ежевики, тутъ ее и схватили. Ребенка мертвого съ спины отвязали и въ саду зарыли у арбузной грядки, а ее на утро къ царю.

— Поймали!

— Поймали!

Смотритъ царь, что за чудеса?—и не звѣрь, а ужь такая красавица,—ты всё горы пройди, а такой не найдешь, и только что рукъ нѣтъ, руки обрублены.

Пришелъ царевичъ, да какъ увидѣлъ, и ужь не можетъ глазъ отвести.

— Батюшка,—говоритъ,—а на ней женось!

— Что ты,—унимаешь царь,—на безрукой?

— Ничего,—и такъ присталъ, такъ присталъ,—ничего да ничего!

— Ну, Божья воля, бери! — согласился царь, благословилъ ихъ.

И женился царевичъ на несчастной, и

— Иди, старче, съ миромъ, передай письмо царевичу и, что знаешь, все расскажи.

А этотъ самый старикъ, Богъ его знаетъ, шелъ, шелъ и какъ разъ возьми да и заночуй у ея братьевъ. Ну, а жены ихъ, какъ услышали, зачѣмъ и куда бредеть прохожий, давай его угощать. И не помнитъ старикъ, какъ спяну заснулъ и не помнитъ, гдѣ спалъ: ли на волѣ, ли въ избѣ? Утромъ поднялся, очухался и дальше въ путь, и самъ того не знаетъ, что письмо-то несетъ подмѣнное: братнины жены не дуры, у его сонного письмо вынули, да свое написали.

Пришелъ старикъ на войну, разыскалъ царевича, поздравляетъ.

— Родился у тебя сынъ, золотые волосы и что другой въ годъ растеть онъ въ часъ!—и подаетъ письмо.

Смотритъ царевичъ, а въ письмѣ пишутъ:

«Родился щенокъ, чего съ емъ дѣлать?»

Переспросилъ старика. Клянется и божится старикъ: правду сказалъ.

— Такъ скажи, чтобы ждали, прѣду, разсужу!—и письмо написалъ передать народу.

А этотъ самый старикъ, Богъ его знаетъ,

Куда ей дорога и кто ее приметъ, виновную, съ виновной судьбой?

Идетъ она—и такъ она плачетъ, впереди изъ слезъ ручей течетъ.

Долго, целый день она шла, и попадается ей навстрѣчу татаринъ. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на нее, отвязалъ ребенка, швырнулъ на дорогу.

— Иди за мной!

И пошла—куда жъ ей безрукой?—пошла она за татаринкомъ. А сама все оглядывается, жаль ей ребенка: на дорогѣ одинъ валется, какъ голышекъ—камушекъ придорожный.

Шли и шли, и пришли къ рѣкѣ, ну, какъ Кура. И проситъ она напиться. Нагнулся татаринъ воды набрать, а она его сзади, какъ схнетъ ногой, онъ—въ рѣчку, и потонулъ.

Потонулъ татаринъ, одна она осталась на берегу. И видитъ она, на берегу весь въ бѣломъ на бѣломъ конѣ—во лбу звѣзда горитъ.

— Нагнись и выпей изъ Куры горсти воды.

— Нагнулась—послушала, а сама себѣ думаетъ: «Господи, какъ я могу въ горсть взять, когда рукъ нѣтъ?» Еще ниже на-

Президент Пуанкаре награждает короля Альберта французским «Военным крестом».

Церемония эта имела место во время последнего посещения президентом Французской республики бельгийской армии.

гнулась, смотреть, а у нея руки,—ея бѣлыя руки, какъ прежде. Зачерпнула воды въ горсть, напилась.

— Спасибо тебѣ!—да скорѣй на дорогу, туда, гдѣ ребенокъ лежалъ.

А какъ онъ обрадовался ей, ущипился рученками за ея бѣлыя руки.

— Мама моя, мамочка!—и смѣется и тѣльцемъ дрожить весь.

И пошли они вмѣстѣ, за руку крѣпко,—ужь ни въ жизнь не разстанутся!

Приходятъ въ большую деревню. Встрѣчается имъ старуха.

— Гдѣ бы намъ, бабушка, переночевать?

— А идите ко мнѣ, у меня просторно.

И приютила ихъ на ночь старуха.

Въ той деревнѣ на утро собирався большой сходъ выбирать старшину.

Оставила она сына на старуху, сама выбѣжала на народъ посмотреть.

Сталъ народъ въ кругъ, достали па-

лое окно залегъ павлинь и сѣлъ ей на голову.

И слышитъ она, бѣжитъ народъ. Растворили дверь, вошли старики, и какъ увидѣли ее съ павлиномъ на-головѣ, поклонились ей.

Ген.-отъ-инф. М. В. Алексѣевъ, призванный на высшій постъ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

— Твоя судьба. Быть тебѣ старшиной. Вывели къ народу. Окружилъ народъ.

— Быть тебѣ старшиной!—сказали вразъ.

— Грамотная?

— Грамотная.

— Ну, и съ Богомъ!

Такъ она старшиной и сдѣлалась.

И полюбилъ ее народъ, и такая ей была вѣра, лучше всѣхъ.

5

Стала она старшиной и благословилъ Богъ, большіе пошли урожаи, такіе большіе, что послѣдній бѣднякъ не зналъ, куда дѣвать хлѣба.

А о ту пору померъ старый царь, вернулся царевичъ съ войны и царемъ сдѣлался. И поѣхалъ царь по своему царству хлѣбъ закупать и пріѣхалъ какъ разъ въ эту большую деревню.

— Почему хлѣбъ цѣните?

— А поди,—говорятъ,—спроси старосту.

Ну, царь и пошелъ. Да не признать ему жены своей: безъ рукъ, вѣдь, была.

Столковались о цѣнѣ.

влина, подкинули: на кого павлинь сядетъ, тому и быть старшиной.

Леталъ, леталъ павлинь и сѣлъ ей на голову.

— Это не считается! — загалдѣлъ народъ,—чужая! кидай еще разъ.

И снова кинули.

И снова павлинь сѣлъ ей на голову.

— Гони ее, что она тутъ мѣшаетъ!—пуще загалдѣли.

Она и пошла, въ домъ пошла къ старухѣ, гдѣ оставила сына: крѣпко спалъ ея сынокъ съ дороги.

Стала она его люлюкать, стала она его голубить.

А въ домѣ въ крышѣ сдѣлано было окно, чтобы свѣтъ въ домъ былъ. И въ это свѣт-

Итальянскій наслѣднй королевичъ Умберто въ формѣ бой-скаута.

— Поди, отправь хлѣбъ,—сказала она,—а потомъ приходи ко мнѣ ужинать.

А сама оципала дичину—пѣтушка да курочку, поставила жарить.

Живо обдѣлалъ царь свое дѣло, распорядился съ хлѣбомъ, и ужь идетъ къ старшинѣ ужинать, а она жаритъ.

И пока пѣтушекъ съ курочкой жарились, стала она сказку сказывать о двухъ братьяхъ и сестрѣ, все про себя, до того самаго мѣста, какъ старшиной она сдѣлалась и пришелъ къ ней царь ужинать.

— Глазынько лопни, правду говорю,—поднялась она,—правду я говорю?

— Правду!—пропищали пѣтушекъ да курочка, жареные, и безъ головъ, совсѣмъ готовые.

Тутъ поднялся царь—узналъ ее.

И повезъ ее къ себѣ, безчастную и удачную, жену свою—царицу грузинскую съ сыномъ—царевичемъ.

Алексѣй Ремизовъ.

Проф. Л. И. Лутугинъ,
† 17-го августа 1915 г.

Въ станѣ погибшихъ за великое дѣло истинной любви къ родинѣ прибавилось еще одно славное свѣтлое имя.

Въ Сибири во время научной экспедиціи скончался одинъ изъ видныхъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей, вице-президента Импер. Вольно-эконом. о-ва и товарища председателя Импер. технич. о-ва, профессоръ Л. И. Лутугинъ.

Какъ ученый, покойный прославился участіемъ въ геологическомъ изслѣдованіи Донецкаго угольнаго бассейна, и его авторитетъ много содѣйствовалъ процвѣтанію нашей южной горнозаводской промышленности.

† Знаменитый авіаторъ Пегу, изобрѣтатель «смертвой петли», погибшій смертью храбрыхъ на фронтѣ во время воздушнаго боя съ нѣмецкимъ авіаторомъ надъ Пти-Круа.

По фотографіи для «Огонька».